

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., г. Екатеринбург

УСПЕХ ЗАВИСИТ ТОЛЬКО ОТ МЕНЯ?

При изучении жизненных планов, представлений о будущем современных старшеклассников можно без труда заметить следующую тенденцию – они усиленно пестуют свою уверенность в том, что собственными силами смогут реализовать свои цели, добиться желанных благ и т.п. Фразу «Успех зависит только от тебя» можно назвать лозунгом современной российской школы. «Ставится задача выработки у каждого ученика понимания того, что успехи в учебе достигаются в первую очередь за счет его собственных усилий» [3, с.8].

Общепринятая трактовка успеха выделяет как минимум две его стороны: 1) личное достижение цели и 2) признание общества. Достижение цели соответствует утилитаристской традиции социальной мысли. Признание со стороны общества отсылает скорее к нормативистской модели объяснения. Чего здесь не хватает – это самостоятельной, а не вшитой в предыдущие две, логики креативного действия. Как образуется собственная система координат (а само это «изобретение велосипеда» имманентно рефлексивному обществу), для как она населяется смыслами – и как в итоге в этом пространстве обитает успех?

Р. Мертон именно на примере стремления к успеху анализирует механизм культурного воспроизводства приоритетных целей. Его выводы прекрасно описывают и современную ситуацию, когда на школьников «со всех сторон обрушиваются предписания, закрепляющие за ними право, а часто и обязанность сохранять эту цель даже перед лицом непрерывного разочарования.» Это «интенсивное дисциплинирующее воздействие» [4, с.250], «акцентирование моральной обязанности... бороться за денежный успех» [4, с.290] провоцирует гиперболизацию субъектности, которая, в свою очередь, имеет как минимум два опасных следствия. Во-первых, игнорирование условий современного общества, в котором, конечно же, не исчезает структурное неравенство. Речь идет об эпистемологической ошибке поздней современности [см. об этом в 2]. Второе следствие – «инновация» в мертвоновском смысле: «когда в культуре существует чрезвычайное акцентирование цели успеха, ослабевает конформность к институционально предписанным методам продвижения к этой цели» [4, с.292]. В обсуждении этих вопросов мы используем материалы двух исследований: 1) «Мое жизненное кредо» (сентябрь 2005, февраль 2007 – всего 125 сочинений 11-классников (в шифре указан пол, класс, порядковый номер документа и год), ноябрь 2007 - анкетирование 198 учащихся 9, 10 и 11-х классов; гимназия 94, Н. В. Веселкова), 2) «Ценностные ориентации выпускников средних общеобразовательных учреждений Свердловской области» (поле - март – апрель 2007 г., анкетирование 1998 учащихся 10 и 11 классов, и 6 фокус-групп (ФГ), И. В. Шапко, Е. В. Прямикова, М. А. Арапова).

Гиперболизация субъектности выражается в своеобразном аутотренинге [см. 1], когда молодые люди, как «Отче наш», повторяют заклинания о достижении целей: *«Но знаю одно, что если есть поставленные цели, то их можно добиться всегда, если сильно этого хотеть! Я хочу быть успешной...»* (Ж11г49-07); *«Мне нужно хорошее школьное образование. Мне нужно высшее образование. Мне нужна хорошая работа. Это все моя большая цель, которую я обязательно достигну, я добьюсь своего. [...] Мне это нужно, для меня это важно»* (Ж11в48-05). Из 9 предложенных в анкетном вопросе «причин» жизненного успеха самый большой вес оказался у «личной инициативы, энер-

гии, предприимчивости» (63% от числа опрошенных в 94 гимназии старшеклассников, причем в параллели 11-х классов этот процент еще выше – 74%!)). Дело не в том, что дети не понимают, насколько они зависимы от множества обстоятельств, - как раз наоборот, и это сплошь и рядом прорывается в «оговорках», - а в том, как подобные рассуждения очень обнажают суть культурного принуждения к успеху: *«Но главное, что сейчас я убеждена в том (хоть это может показаться кому-то наивным и глупым), что если я чего-то очень захочу, то добыть своего: получу образование, найду хорошую работу и чудного мужа. Не потерять бы эту веру»* (Ж11а7-07).

В 1957 г. Мертон, не ведая того, писал как раз о негативном эффекте «эпистемологической ошибки»: «Естественно, так возникает сопутствующая тема [культуры], что успех или поражение целиком являются результатом личных качеств: тот, кто совершил ошибку, должен упрекать только себя самого, так как в соответствии с понятием о человеке, «сделавшем себя», он является человеком, «себя не сделавшим»» [4, с. 291]. Под угрозой «двойного поражения» институциональные способы достижения успеха неизбежно проигрывают. Иными словами, цель начинает оправдывать средства, что порождает не всегда безобидные «инновации». Вполне закономерным следствием является ослабление институциональной структуры в целом: люди не верят и не полагаются ни на какие институты.

Коль скоро «некоторая (неизвестная) степень девиации от современных норм, вероятно, является функциональной для основных целей во всех группах» [4, с.308], то, может быть, огромная амплитуда («девиации от современных норм», является сегодня единственно функциональной? Но это рассуждение справедливо только в рамках теории социализации, когда люди решают, что им делать с «готовыми» целями и нормативными способами их достижения. Мы хотим рассмотреть третью сторону медали: не утилитаристскую или нормативистскую, но креативную, или субъектную. Применительно к предмету мертоновского анализа это означает, что в субъективирующих практиках вполне могут «изобретаться» и общепринятые цели и нормы, но это не будет ни конформизмом, ни девиацией, поскольку единственным мериллом здесь выступает то, насколько возможна и насколько реально разворачивается субъектность в той или иной ситуации. Последнее назовем эффективностью субъективирующей практики.

Какова же изобретаемая нашими информантами система координат, в которой вырастает их успех? Пожалуй, лучше всего ее можно представить от противного - какую цену молодые люди не хотят платить за свой успех, что обозначает границы этой системы. Мы обнаружили два типа «побочных эффектов» успеха, каждый из которых содержит два подтипа.

Первый тип рисков – «потерять себя». Он включает в себя опасность: (а) потерять что-то особенно важное в себе – «положительные качества»: *«После окончания института можно начать обустройство и личной жизни: покупку квартиры, обзаведение семьей. В дальнейшем можно будет организовать свой бизнес, может быть даже семейный. То есть в общем-то стать в жизни успешным человеком, но ни в коем случае при всем этом не потерять своих положительных качеств»* (Ж11а11-07). Вторая разновидность «потери себя» - это (б) вообще предать свою мечту, потерять счастье: *«можно быть успешным, иметь кучу денег там, тебя будут все уважать, но одновременно быть несчастным, потому что ты живешь не своей жизнью, ты живешь жизнью другого человека, который успешен, тебе это не нравится, но у тебя это получается, может ты всю жизнь мечтал стать там, ну, моряком, да, а стал хорошим бизнесменом... но он хочет на корабле плавать»* (Ф11).

Второй тип рисков связан с негативной «инновацией». Первый подтип здесь можно назвать (в) несамостоятельность: «Я надеюсь, что успешно закончу институт, после чего собираюсь поехать в Москву, чтобы поступить в театральный училище либо в театральный институт. ... В 18 лет планирую записать свою первую песню, так как уже решается вопрос по созданию музыки на мою песню. ... Но этих успехов я хочу добиться собственными усилиями и талантом» (Ж11г49-07). Второй подтип – (г) эксплуатация и причинение вреда («конкурентам»): «Может, меня почитают тицелавной и честолюбивой, но я не отрываю, что стремлюсь к карьерному росту в своей работе [прокурора], но не «по трупам» и головам других, а самой, своими силами» (Ж1163-05). По сути, все эти четыре разновидности охраняют одну сверхценность – собственную самость школьников, которая, как они полагают, будет подвергаться опасностям на пути к успеху.

Систему координат успеха характеризуют также решения, которые присутствуют в рассуждениях молодых людей.

1) «Золотая середина – везде успевать»: «Найти золотую середину, чтобы везде успевать» (ФГЗ), «я планирую первые три года в вузе лишь учиться, а на 4 – 5 курсах пойти работать. (Я предполагаю, что так будет лучше для меня, т. к. можно будет везде успеть» (Ж11а8-07). «В этой жизни возможно все. Надо успевать, бегать, интересоваться. Нужно успевать, пока за тебя не успели» (Ж11в48-05).

2) Параллельность и / или отсрочивание. «хотела бы связать свою жизнь с искусством, но я понимаю, что на данный момент – это рискованный шаг. [...] Лишь немногие пробиваются из низкооплачиваемой должности в настоящую звезду театра, кино и т. д. Я бы хотела получить высшее образование в УрГУ, а затем уже пробовать себя в чем-то другом. Тем не менее должность редактора, которую я бы хотела выбрать в УрГУ, только поможет реализации моих дальнейших планов, послужит первым шагом для реализации в жизни» (Ж11610-05).

3) Подстраховка – запасные варианты: «В случае трудностей в работе психологом французский язык, вернее, его хорошее знание, помогут мне быстрее найти работу» (М11616-05). «Естественно я не исключаю того, что не поступлю ни в один вуз [...] я намерена пойти работать [рассматривается два варианта – аниматор и в крайнем случае – уборщица], в свободное от работы время буду изучать то, что было «прослушано» на уроках, кроме того, раз будет время, хочу учить испанский» (Ж11в43-05).

4) Дефутуризация – принципиальный отказ от долгосрочного планирования: «Я люблю загадывать наперед и строить громадные планы, все может измениться в любой момент. Поэтому я ставлю себе цель не на несколько десятилетий, не на то, чего я достичь не смогу. А на цели, которых могу добиться. Сейчас эта цель – закончить школу, поступить в институт, а там потом уже видно будет» (М11631-05).

«Генеральным» решением, возможно, следует признать следующее: «Я считаю, что успех – это когда ты делаешь, что тебе нравится, и это принимают, воспринимают окружающие» (ФГ1) в силу того, что в этой формулировке, похоже, соединились все три из названных в начале логики социального действия и его понимания – утилитарная, нормативная и креативная.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Веселкова Н. В. Антиномии субъектности в дискурсе жизненного выбора старшеклассников // Социальные процессы: Сборник научных трудов. Выпуск 3 / Отв. ред. Г. Б. Кораблева, И. Е. Левченко. Екатеринбург: Уральский институт социального образования, 2007. С. 104 – 129.
2. Веселкова Н. В., Прямыкова Е. В. Социальная компетентность взросления. Екатеринбург, изд-во Уральского университета, 2005

3. Меренков А. В., Ковалева И. Ю. Самоопределение школьников в учебе, труде и отдыхе: методическое пособие для учителей V–VII классов. М.: Издательский центр «Академия», 2007.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.

Валкова Т.И., г. Челябинск

ХОСПИС – АЛЬТЕРНАТИВА ЭВТАНАЗИИ: ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА

В жизни человека есть такие проблемы, которые всегда привлекали и поныне привлекают к себе пристальное внимание и мыслителей, и простых людей. К ним относятся, прежде всего, те, которые затрагивают его умирание и смерть. Тема смерти обладает какой-то странной притягательностью и привлекательностью. Понимая естественную неизбежность смерти, люди, тем не менее, стремятся вновь и вновь философски осмыслить ее таинственный сакральный феномен и с биологической, и медицинской точек зрения. В этой теме особенно привлекают ее моральные аспекты, за которыми просматриваются, пусть и очень смутно, личное отношение человека к своей будущей смерти, проблемам естество (умиранию) и эвтаназии (легкой смерти).

Проблема эвтаназии возникла не сегодня, и не вдруг. Свое летоисчисление она начинает в глубокой древности. Отношение к умышленному ускорению наступления смерти неизлечимо больного, даже с целью прекращения его страданий никогда не было однозначным. Во многих архаических культурах существовал обычай умерщвления дряхлых стариков, причем не как принуждение, а как поощрение добровольного ухода из жизни. Даже в философских текстах древних греков, например, у Платона, можно найти положение о моральности убийства неизлечимо больного, желающего достойно умереть [1, с.192].

В Древнем Риме самоубийство “по благородным мотивам” признавалось похвальным и было даже введено стоицизмом в ранг добродетели. “Ведь все дело в том, что продлевать – жизнь или смерть”, – в этих словах Сенеки впервые сформулирована проблема, вокруг которой сегодня в медицинских кругах разворачиваются яростные ожесточенные споры [2, с.102].

Французский мыслитель М. Монтень считал, что “невыносимые боли и опасения худшей смерти являются вполне оправданными побуждениями к самоубийству” [3, с.36].

Английский философ Ф. Бэкон (1561-1626) для обозначения легкой безболезненной смерти ввел термин – “эвтаназия” (от греч. *euthanasia*, *eu* – хорошо, *thanatos* – смерть), то есть хорошая, спокойная и легкая смерть, без мучений и страданий [4, с.268]. В настоящее время выделяют активную и пассивную формы эвтаназии. Суть активной эвтаназии заключается в умышленном причинении врачом смерти больному из сострадания или по просьбе самого умирающего, либо его близких. Активная эвтаназия резко и безоговорочно осуждается и в нашей стране, и в других государствах. Пассивная эвтаназия – отказ от медицинских мер борьбы за жизнь человека, ограничиваясь созданием ему условий физического и психического комфорта.

Известный русский адвокат А.Ф. Кони считал эвтаназию вполне допустимой при соблюдении ряда условий: сознательной и настойчивой просьбы тяжело больного человека, фактической невозможности облегчить его страдания, объективных доказательств врачей о невозможности излечения. При этом юрист правомерно считал необходимым официальное предварительное уведомление прокуратуры о проведении эвтаназии из сострадания к тяжело умирающему человеку [5, с. 480]. Иоанн Павел II, занимавший всегда непримиримую позицию по эвтаназии, на конгрессе в Ватикане (2002 г.) призывал